

Problemy istorii, filologii, kul'tury

2 (2026), 321–335

© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры

2 (2026), 321–335

©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-2-92-321–335

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗУБОВСКО-ВОЗДВИЖЕНСКОЙ ГРУППЫ ПОГРЕБЕНИЙ ПРИКУБАНЬЯ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ

М.Г. Бодрова

*Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия;*

*Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: maborydrova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4044-9027

В статье анализируется процесс формирования и развития научных представлений о памятниках Zubovsko-Vozdvizhenskoy группы. На основе обзора исследований с конца XIX века по настоящее время прослеживается эволюция подходов к интерпретации археологического материала, отражающая смену методологических установок и исследовательских приоритетов. Особое внимание уделено вопросам выделения группы как самостоятельного культурно-исторического явления, ее хронологии и проблеме соотношения археологических данных с этническими общностями, известными по письменным источникам, а также вопросам происхождения. Обозначаются ключевые направления дальнейшего изучения и сохраняющиеся дискуссионные аспекты в исследованиях Zubovsko-Vozdvizhenskoy группы в Прикубанье в сарматскую эпоху.

Ключевые слова: Zubovsko-Vozdvizhenskaya группа, Прикубанье, историография, сарматская эпоха

Zubovsko-Vozdvizhenskaya группа (далее – ЗВГ) объединяет памятники, отражающие специфические особенности погребальной практики Прикубанья раннего железного века. Несмотря на более чем столетнюю историю изучения, характерные признаки, хронология, этническая атрибуция и происхождение этих памятников остаются предметом научных дискуссий. Анализ этих памятников позволяет выявить специфику локальных культурных процессов и очертить трансрегиональные связи кочевых обществ Евразийских степей.

Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью систематизации подходов к интерпретации ЗВГ и выявления тенденций в историографии ее изучения. Разные исследователи предлагали свои критерии выделения группы, связывали ее с различными этническими сообществами и рассматривали в рамках разнообразных культурно-исторических парадигм. Тем не менее, по большинству вопросов до настоящего времени отсутствует единая позиция.

Данные об авторе. Мария Геннадьевна Бодрова – аспирант НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник ИИМК РАН.

Цель статьи – проследить развитие научных представлений о ЗВГ группе и показать, как менялись подходы к анализу материала, какие проблемы становились предметом обсуждения, а какие остаются открытыми. Для этого целесообразно начать с рассмотрения первых исследований, заложивших основы последующих дискуссий.

ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

История изучения памятников, впоследствии получивших название ЗВГ, начинается с раскопок, проведенных профессором Петербургского университета, старшим членом ИАК Н.И. Веселовским. В 1896 г., ведя работы на Кубани, он исследовал два кургана у станицы Ярославской¹. Данные погребения ныне классифицируются как часть ЗВГ, однако на момент раскопок сам термин еще не был введен.

Через три года, в 1899 г. в рамках археологических работ вновь были обнаружены интересные нас памятники: у хутора Зубов было раскопано четыре кургана. Раскопки проводил дилетант – некий Забродин, Н.И. Веселовский лишь зафиксировал обстоятельства находки и составил список обнаруженных предметов. Публикацию этих материалов подготовил К.Е. Думберг², который прибыл туда с проверкой по поручению ИАК³. В том же году Н.И. Веселовский раскопал еще два кургана – у аула Хатажукаевский и Воздвиженский⁴, впоследствии ставший эпонимным.

В 1900 г. археолог продолжил исследования в этом регионе: неподалеку от Зубовских курганов им был раскопан курган «Острый» у поселка Геймановского, где находились три погребения сарматской эпохи, а также одно погребение в кургане в имении Зиссерманов⁵. В это же время на хуторе Зубов велись новые работы, в ходе которых обнаружено одно впускное погребение железного века, хотя в силу малочисленности инвентаря его принадлежность к ЗВГ можно допустить только по впускной могиле и западной ориентировке⁶.

Раскопки курганов, произведенные Н.И. Веселовским, велись в характерной для его времени и исследовательской практики манере, нередко вызывающей критику: слабая фиксация или полное ее отсутствие, раскопки траншеями или колодцами, игнорирование человеческого и животного остеологического материала. Несмотря на ограбления большей части погребений, в этих курганах сохранился инвентарь и некоторые черты обряда, зафиксированные Н.И. Веселовским.

Итоги первых лет раскопок на Кубани Н.И. Веселовский подвел в докладе на XII Археологическом съезде в Харькове в 1902 г. Там он описал памятники «Кубанской области», исследованные им с 1896 г., включая и комплексы, позднее выделенные в ЗВГ. Археолог датировал эти материалы II–III вв. н.э.

¹ Веселовский 1898, 56–58.

² Думберг 1901, 94–103.

³ Воронятов 2024, 186–188.

⁴ Веселовский 1902а, 47–52.

⁵ Веселовский 1902б, 41–45.

⁶ Веселовский 1902б, 40.

на основании доступных аналогий⁷. Большое количество римских вещей в погребениях побудило его соотносить их с античной культурой, а сходство отдельных предметов с изделиями Сибирской коллекции Петра I объяснялось торговыми связями с Персией⁸. Однако именно богатство и своеобразие инвентаря привели Н.И. Веселовского к ряду интерпретационных искажений и отразили преобладавшие в то время стереотипы о «варварских» народах.

Спустя несколько лет, в 1909 г., А.А. Спицын в обзорной статье, посвященной «исконным обитателям Дона и Донца, Тмутаракани и теории массового переселения приднепровской Руси на север», опираясь как на археологические материалы, так и на письменные источники, сделал вывод о принадлежности кубанских курганов первых веков аланам, чье «старое имя – сарматы»⁹. По записям из архива А.А. Спицына известно, что исследователь сам интересовался этими памятниками и выделял их в особую культуру – Zubовскую¹⁰. В данную культуру он объединял не только памятники Прикубанья, но и междуречья Волги и Дона, а также комплексы Приуралья – в частности Покровку: более 120 археологических памятников¹¹. Выделял он и Лабинскую «культуру» или «группу», которая в большей степени соотносилась им с памятниками «Золотого кладбища». Данные наработки так и не были оформлены в цельное исследование.

Новый этап осмысления памятников связан с работами М.И. Ростовцева¹². В 1925 г. он опубликовал фундаментальное исследование, где среди кубанских древностей выделил особую группу эллинистического и римского времени, названную им «кубанской». Подробное рассмотрение этой группы необходимо для понимания, каким образом формировались представления о характерных признаках, позволивших обособить ЗВГ.

Характерными признаками «кубанской группы», по наблюдениям ученого, являлись впускные погребения в более ранние курганы, либо собственные курганы яйцевидной формы со рвом. В случае собственных курганов в материке вырывалась яма, в западной стене которой устраивалась «пещера» или «ниша»¹³, вход в которую перекрывался сырцовым кирпичом или бревнами. Погребенный лежит на спине головой на юг. Однако существуют и «вариации» для погребальной конструкции («в виде длинного коридора») и положения покойного («головой ко входу»). Следов тризны М.И. Ростовцев не отмечает, равно как и целенаправленных погребений полных костяков лошадей, хотя фиксирует наличие отдельных костей этих животных, а также уздечные наборы. Мужские захоронения содержали оружие и предметы воинского снаряжения – греческие шлемы, панцири, мечи, кинжалы, дротики, топоры, золотые шейные гривны, браслеты, пряжки. В женских комплексах преобладали украшения – шейные гривны, браслеты с фигурными концами в виде животных, серьги, цепочки, фибулы, бусы, привески, амулеты, а также посуда, зеркала¹⁴.

⁷ Веселовский 1905, 366.

⁸ Веселовский 1905, 365.

⁹ Спицын 1909, 69–70.

¹⁰ НА ИИМК. Ф. 5. Оп. 1. Дд. 317, 324.

¹¹ НА ИИМК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 317. Л. 241.

¹² Ростовцев 1925.

¹³ Ростовцев 1925, 560.

¹⁴ Ростовцев 1925 560–580.

М.И. Ростовцев выделил в «Кубанской группе» две хронологические подгруппы: раннюю (I в. до н.э. – I в. н.э.) и позднюю (до II в. н.э.)¹⁵. К первой группе им были причислены, в частности, два погребения в курганах около Зубовского хутора, погребение у ст. Воздвиженской, два кургана Ярославской станицы, курганы № 6 и 15 у ст. Тифлисской (с оговорками – также № 51 и 52), один из курганов Армавира, погребение в Некрасовской станице, курган у ст. Усть-Лабинской и курган № 10 у ст. Гиагинской¹⁶. Эти материалы, с некоторыми уточнениями, и составили основу позже выделенной ЗВГ.

Разграничение «ранней» и «поздней» подгрупп М.И. Ростовцев проводил в соответствии с периодизацией античного мира: первая именовалась им «эллинистической», вторая – «римской». Исследователь подчеркнул синкретический характер инвентаря, сочетающего элементы иранского, греческого, боспорского и «местного» происхождения¹⁷. Тем самым М.И. Ростовцев впервые указал на обособленность этих памятников, прямо отметив, что точной аналогией погребениям из Зубовского хутора является погребение из Воздвиженского кургана¹⁸. Однако, судя по дальнейшему тексту работы, он не рассматривал «раннюю» подгруппу как принципиально отличную от «поздней», в основном описывая «Кубанскую группу» как единый комплекс памятников, заметно отличающийся от курганов предыдущей эпохи. В тексте работы встречается единичное упоминание «Зубовской группы»¹⁹. В связи с этим часть исследователей считает, что М.И. Ростовцев был первым, кто сформировал концепцию «Зубовско-Воздвиженской группы»²⁰. Мне представляется, что термин «Зубовская группа» был использован как синоним ранней подгруппы Кубанской группы, а четких критериев ее выделения у М.И. Ростовцева не было. Тем не менее, это была первая работа с анализом всего имеющегося на тот момент археологического материала, включающая в себя ЗВГ и побудившая исследователей пристальнее изучить данные памятники Прикубанья.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЗУБОВСКО-ВОЗДВИЖЕНСКОЙ ГРУППЫ

После выхода фундаментальной работы М.И. Ростовцева наступает длительный перерыв в изучении памятников ЗВГ в Прикубанье. Хотя с 1930-х гг. в регионе активно проводил раскопки Н.В. Анфимов, его внимание было сосредоточено преимущественно на грунтовых могильниках и городищах. Несколько позже в 1947–1949 гг. К.Ф. Смирнов копал Пашковский могильник в Прикубанье²¹. Несмотря на то, что основное направление его научной деятельности было связано с Поволжьем и Южным Приуральем, он хорошо знал кубанский материал и использовал его для сравнительных построений. В 1946 г. К.Ф. Смирнов защитил диссертацию по сарматским курганным погребениям Поволжья и Приуралья,

¹⁵ Ростовцев 1925, 568–569, 573.

¹⁶ Ростовцев 1925, 570–573.

¹⁷ Ростовцев 1925, 577.

¹⁸ Ростовцев 1925, 571.

¹⁹ Ростовцев 1925, 573.

²⁰ Гущина, Засецкая 1989, 72; Раев, Яценко 1993, 111.

²¹ Скрипкин 1983, 8; Смирнов 2016, 15–27.

опираясь при датировании на материалы именно сарматских погребений Кубани²². Поэтому не случайно в 1952 г. появляется программная статья К.Ф. Смирнова, посвященная путям развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья²³.

Эта статья во многом задала тон дальнейшему изучению кочевых памятников региона. К.Ф. Смирнов изложил в ней собственную концепцию исторического процесса в Прикубанье – от эпохи поздней бронзы до прихода гуннских племен. Особое место он отвел III–II вв. до н.э., когда в погребальной практике фиксируется принципиально новый обряд. Выделенную совокупность памятников он обозначил как «зубовско-воздвиженский тип» и связал ее с сиракским объединением родственных сарматских племен. Это отождествление соответствовало научным представлениям середины XX в., когда археологические культуры широко интерпретировались как прямые отражения этнических групп, зафиксированных в письменных источниках. В числе ее ключевых признаков исследователь называл: впускной характер погребений; использование деревянных перекрытий в виде плоской крыши, поддерживаемой четырьмя-пятью столбами; крупные квадратные могильные ямы и западную ориентировку. Специфику инвентаря К.Ф. Смирнов не анализировал специально, ограничившись замечанием о его «богатстве» и наличии трофейных вещей. Завершение существования памятников Zubовско-Воздвиженского типа он отнес ко II в. н.э.²⁴, увязав это с собственной периодизацией сарматской археологической культуры.

Важно отметить, что в своей статье К.Ф. Смирнов не только дал обзор процессов в Прикубанье с VII в. до н.э. по IV в. н.э., предоставив подробные этнические интерпретации, но и задал методологическую рамку для последующих исследований. Его определение Zubовско-Воздвиженской группы (типа) как особого комплекса сразу вывело эти памятники в отдельный исследовательский фокус, что стало стимулом для серии новых исследований. Уже в 1970 г. И.И. Гущина и Т.Б. Попова публикуют материалы Воздвиженского кургана²⁵. В 1983 г. И.И. Гущина вновь обращается к наследию Н.И. Веселовского, представив расширенное издание раскопок у пос. Геймановского и в имении Зиссерманов (1900)²⁶, а в 1989 г. совместно с И.П. Засецкой вводит в научный оборот значительную часть коллекции ЗВГ из фондов ГИМ и ГЭ²⁷. Памятники группы стали объектом анализа и в обобщающих работах Е.П. Алексеевой²⁸ (1976), А.М. Ждановского²⁹ (1985), а позднее – М.П. Абрамовой³⁰ (2007) и В.И. Мордвинцевой³¹ (2025), кроме того, были обнаружены и новые захоронения³².

²² Смирнов 1946, 76.

²³ Смирнов 1952.

²⁴ Смирнов 1952, 14–15.

²⁵ Гущина, Попова 1970.

²⁶ Гущина 1983.

²⁷ Гущина, Засецкая 1989.

²⁸ Алексеева 1976.

²⁹ Ждановский 1985.

³⁰ Абрамова 2007.

³¹ Mordvintseva 2025.

³² Ждановский и др. 1988, 103–126; Беглова 2007, 376–400.

Таким образом, статья К.Ф. Смирнова 1952 г., синтезируя предыдущие идеи, сформулировала новую концепцию и стимулировала дальнейшие исследования памятников ЗВГ как специфического культурно-исторического феномена. При этом сама схема К.Ф. Смирнова, во многом отражая методологический контекст этнических атрибуций середины XX в., может считаться несколько устаревшей. В результате работа К.Ф. Смирнова одновременно открывала новое направление исследования и в то же время предопределяла появление ограничений для развития. Тем не менее, перспективы, вытекающие из его статьи, определили дальнейшее движение изучения ЗВГ и вычленение новых частных проблем, обсуждению которых были посвящены работы ученых второй половины XX и начала XXI вв.

ПОСТАНОВКА И ОБСУЖДЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ ЗУБОВСКО-ВОЗДВИЖЕНСКОЙ ГРУППЫ

На данный момент в истории изучения ЗВГ можно выделить несколько ключевых вопросов, фигурирующих в исследованиях по данной теме: выделение группы как самостоятельного археологического явления, хронология группы, этническая атрибуция и происхождение. Многие из этих вопросов остаются дискуссионными, поэтому далее рассмотрим позиции ученых относительно каждого указанного вопроса.

Выделение ЗВГ. Отправной и ключевой проблемой является определение статуса группы: выступает ли она в качестве комплекса памятников, обладающий собственными устойчивыми чертами, позволяющими выделять его среди соседних археологических культур. Сторонники выделения группы – М.И. Ростовцев³³, К.Ф. Смирнов³⁴, И.И. Гущина³⁵, И.П. Засецкая³⁶, Е.П. Алексеева³⁷, Л.Ю. Березовская³⁸, М.Б. Щукин³⁹, Б.А. Раев, С.А. Яценко⁴⁰ – указывают на ряд специфических признаков погребального обряда: преимущественно впускные погребения⁴¹, деревянные конструкции в виде плоской крыши, поддерживаемые четырьмя или пятью столбами⁴², широкие квадратные⁴³ или прямоугольные⁴⁴ ямы, господство западной ориентировки⁴⁵. Инвентарь отличается элитарностью⁴⁶ и присутствием «трофейных» предметов⁴⁷, в том числе наличием покрывал с нашивными золотыми бляшками⁴⁸. Однако даже среди сторонников выделения

³³ Ростовцев 1925, 570–573.

³⁴ Смирнов 1952.

³⁵ Гущина, Попова 1970.

³⁶ Гущина, Засецкая 1989.

³⁷ Алексеева 1976, 160–161.

³⁸ Березовская 1989, 82–85.

³⁹ Щукин 1992.

⁴⁰ Раев, Яценко 1993.

⁴¹ Смирнов 1952, 14; Гущина, Попова 1970, 89.

⁴² Смирнов 1952, 14; Гущина, Попова 1970, 89; Гущина, Засецкая 1989, 71.

⁴³ Смирнов 1952, 14.

⁴⁴ Гущина, Засецкая 1989, 71.

⁴⁵ Смирнов 1952, 14; Гущина, Попова 1970, 89; Гущина, Засецкая 1989, 71.

⁴⁶ Смирнов 1952, 14; Гущина, Попова 1970, 89; Гущина, Засецкая 1989, 71.

⁴⁷ Смирнов 1952, 14.

⁴⁸ Гущина, Попова 1970, 89.

ЗВГ отмечается осторожность: Б.А. Раев и С.А. Яценко, указывая на отсутствие четких критериев для окончательного выделения группы, обращают внимание на ряд характерных особенностей инвентаря⁴⁹.

Противники обособленности – Н.В. Анфимов в поздних работах, А.М. Ждановский, Н.Е. Берлизов, М.П. Абрамова, В.И. Мордвинцева. Каждый из них имеет свое видение данной проблемы. Н.В. Анфимов полагает, что «Зубовско-Воздвиженская группа» не составляет какой-то единой компактной группы⁵⁰. А.М. Ждановский в своей диссертации 1985 г. проанализировал памятники Средней Кубани III в. до н.э. – III в. н.э. и пришел к выводу, что ЗВГ является частью ранней группы памятников сарматской археологической культуры, близкой комплексам Поволжья и, частично, Приуралья, и значительно отличной от меотской археологической культуры⁵¹. Н.Е. Берлизов объединяет ЗВГ с «Золотым кладбищем» и относит их к «кубанскому эквиваленту среднесарматской культуры»⁵². М.П. Абрамова также объединяет ЗВГ и «Золотое кладбище», однако, не разделяя понятия археологической культуры и этноса, связывает их с меотской знатью⁵³. Еще одним специалистом, высказывающимся, хотя и не прямо, против выделения ЗВГ из ряда других древностей Прикубанья, является В.И. Мордвинцева⁵⁴. Исследовательница предпочитает использовать термин «Лабинская группа», однако относит ее ко второму периоду общей тенденции распространения маркеров престижа в погребениях элит Прикубанья⁵⁵.

Таким образом, вопрос обособленности Zubовско-Воздвиженской группы остается спорным. Существуют аргументы как в пользу выделения группы, так и в пользу включения памятников в более широкие археологические контексты. Для окончательного решения вопроса необходим дополнительный анализ погребального обряда и выбор критериев, по которым эта группа действительно обособляется.

Хронология ЗВГ. Еще один аспект проблемного поля связан с хронологией памятников ЗВГ. Подробный обзор датировок был дан М.Б. Щукиным⁵⁶, поэтому лишь укажем границы периодов: Н.И. Веселовский – II–III вв. н.э.⁵⁷, М.И. Ростовцев – I в. до н.э. – I в. н.э.⁵⁸, К.Ф. Смирнов – III в. до н.э. – II в. н.э.⁵⁹, Е.П. Алексеева – I в. до н.э. – I в. н.э.⁶⁰, А.М. Ждановский – II в. до н.э. (возможно, конец III в. до н.э.) – середина I в. н.э.⁶¹, И.И. Гущина и И.П. Засецкая – I в. до н.э. – начало II в. н.э.⁶², Л.Ю. Березовская – вторая половина I в. до н.э. – начало

⁴⁹ Раев, Яценко 1993.

⁵⁰ Анфимов 1979, 32.

⁵¹ Анфимов 1979, 194.

⁵² Берлизов 1993, 10.

⁵³ Абрамова 2007, 51.

⁵⁴ Mordvintseva 2025.

⁵⁵ Mordvintseva 2025, 158.

⁵⁶ Щукин 1992.

⁵⁷ Веселовский 1905, 366.

⁵⁸ Ростовцев 1925, 569–570.

⁵⁹ Смирнов 1952, 14.

⁶⁰ Алексеева 1976, 161.

⁶¹ Ждановский 1985, 161.

⁶² Гущина, Засецкая 1989, 87.

II в. н.э.⁶³ Датирование комплексов выше названными авторами осуществлялось по римским импортам в погребениях. Сам М.Б. Щукин сузил датировку до периода с 40–60 гг. I в. до н.э. по 40–50 гг. I в. н.э.⁶⁴, подробно разобрав инвентарь 11 захоронений Зубовско-Воздвиженской группы. Однако стоит заметить, что вопросы датирования данной группы тесно связаны с проблемой ее выделения, поэтому узкая дата, предложенная М.Б. Щукиным, должна быть проверена на большем количестве памятников.

Этническая атрибуция. Другой проблемой для многих исследователей остается определение этнической принадлежности носителей ЗВГ. Предлагались самые разные версии. Так, Н.И. Веселовский, введенный в заблуждение обилием римских вещей, считал погребенных римлянами⁶⁵. М.И. Ростовцев писал о пребывании сарматов на Кубани начиная со II в. до н.э.⁶⁶

К.Ф. Смирнов отнес ЗВГ к сиракам, и эту точку зрения разделяют В.Б. Виноградов⁶⁷, В.А. Кузнецов⁶⁸, И.И. Марченко⁶⁹, А.М. Ждановский⁷⁰, аорсов и сираков – А.С. Скрипкин⁷¹. Н.В. Анфимов сначала тоже видел в них сарматов⁷² или сираков⁷³, но позднее высказал гипотезу о меотском происхождении с сарматским влиянием⁷⁴; сходное мнение выражал И.С. Каменецкий, называвший эти памятники погребениями меотской знати⁷⁵, а также М.П. Абрамова⁷⁶. В.Н. Каминский⁷⁷, М.Б. Щукин⁷⁸, Б.А. Раев с А.С. Яценко⁷⁹, А.А. Туаллагов⁸⁰ связывали ЗВГ с ранними аланами, а Ю.М. Десятчиков – с асами Средней Азии⁸¹, И.В. Сергацков – с тохарами⁸².

Несмотря на широкий спектр интерпретаций, все эти попытки сопоставить археологический материал с этнонимами античных источников остаются гипотетическими. Их доказательная база ограничена, а кроме того, необходимость такого сопоставления не является общепринятой. В основном такая работа преследует цель построения исторического нарратива, что не соотносится с задачами настоящего исследования.

Происхождение. Одним из существенных вопросов в изучении ЗВГ является ее происхождение. Этому вопросу уделялось сравнительно мало внимания, что создает ощутимую лакуну в исследованиях археологии Прикубанья раннего

⁶³ Березовская 1989, 84.

⁶⁴ Щукин 1992, 109.

⁶⁵ Веселовский 1905, 370.

⁶⁶ Ростовцев 2002, 95.

⁶⁷ Виноградов 1965; 1968.

⁶⁸ Кузнецов 1962, 70.

⁶⁹ Марченко 1996, 129–130.

⁷⁰ Ждановский 1985, 168.

⁷¹ Скрипкин 2017, 193–194.

⁷² Анфимов 1947, 157.

⁷³ Анфимов 1958, 62–63.

⁷⁴ Анфимов 1979, 32.

⁷⁵ Каменецкий 2011, 216, 339–340.

⁷⁶ Абрамова 2000, 125; 2007, 51.

⁷⁷ Каминский 1989, 96.

⁷⁸ Щукин 1992, 121.

⁷⁹ Раев, Яценко 1993, 121.

⁸⁰ Туаллагов 2014, 183–184.

⁸¹ Десятчиков 1973, 78, прим. 80.

⁸² Сергацков 1999, 147.

железного века. Несмотря на то, что дискуссии об этнической принадлежности ЗВГ неизбежно предполагали обращение к проблеме ее генезиса, развернутых исследований, опирающихся на комплексный анализ материалов, фактически не проводилось.

В то же время в литературе встречаются отдельные наблюдения, позволяющие очертить возможные направления поиска. Так, Б.А. Раев и С.А. Яценко отмечали в погребальном обряде центральноазиатские и парфяно-малоазийские элементы, интерпретируя их как свидетельства восточных связей⁸³. М.Б. Щукин указывал на проникновение в регион предметов китайского и бактрийского происхождения, а также на распространение «бирюзово-золотого стиля», неожиданно возникающего в Причерноморье⁸⁴. С.В. Воронятов выявил ряд параллелей вещам из Прикубанья в комплексах Центральной и Средней Азии⁸⁵. Об одной серии предметов, в том числе из Зубовско-Воздвиженской группы, с возможными восточными аналогиями упоминалось в моей публикации⁸⁶.

Эти наблюдения указывают на многообразие культурных влияний, отразившихся в материале Зубовско-Воздвиженской группы, и на ее включенность в более широкие трансрегиональные контакты евразийских степей. Однако при отсутствии целостного анализа инвентаря и обряда вопрос происхождения группы остается открытым и представляет собой перспективное направление дальнейших исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История изучения ЗВГ демонстрирует постепенное формирование исследовательского интереса и эволюцию представлений исследователей. Первые публикации Н.И. Веселовского зафиксировали уникальные особенности погребений, но не привели к систематическому осмыслению. Работа М.И. Ростовцева заложила основы понимания особенностей памятников, выделив ряд ключевых характеристик, тогда как лишь в середине XX в. К.Ф. Смирнов предложил целостную концепцию, в рамках которой ЗВГ рассматривалась как самостоятельный археологический комплекс. Его выводы стали отправной точкой для дальнейших дискуссий.

В последующие десятилетия внимание исследователей сосредоточилось на уточнении признаков выделения, хронологии, этнической атрибуции. Несмотря на многочисленные публикации, согласованной точки зрения не выработано ни по одному вопросу. Но наименее проработанной остается проблема происхождения ЗВГ, хотя отмечены отдельные аналогии с рядом других культур, однако их систематический анализ не проводился.

Таким образом, несмотря на более чем столетнюю историю изучения, ЗВГ все еще вызывает множество вопросов у исследователей. Ответы на них помогут найти дальнейшие исследования, опирающиеся как на новые археологические материалы, так и на современные методы анализа.

⁸³ Раев, Яценко 1993, 112.

⁸⁴ Щукин 1992, 114.

⁸⁵ Воронятов 2023, 195–199; Voroniatov 2025, 45–50.

⁸⁶ Бодрова (в печати).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abramova, M.P. 2000: O pogrebeniyakh zubovsko-vozdvizhenskoy gruppy (istoriograficheskiy obzor) [On the Burials of the Zubovsky-Vozdvizhenskaya Group (Historiographical Overview)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin] 3, 123–128.
- Абрамова, М.П. 2000: О погребениях зубовско-воздвиженской группы (историографический обзор). *Нижневолжский археологический вестник* 3, 123–128.
- Abramova, M.P. 2007: Kurgannye mogil'niki Severnogo Kavkaza pervykh vekov nashey ery [Barrow Cemeteries of the Northern Caucasus in the First Centuries AD]. In: *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: pamyati M.P. Abramovoy (Materialy i issledovaniya po arkheologii)* [The North Caucasus and the Nomadic World in the Early Iron Age: In Memory of M.P. Abramova (Materials and Research on Archaeology)]. Moscow, 11–188.
- Абрамова, М.П. 2007: Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры. В сб.: *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: памяти М.П. Абрамовой (Материалы и исследования по археологии)*, М., 11–188.
- Alekseeva, E.P. 1976: *Etnicheskie svyazi sarmatov i rannikh alanov s mestnym naseleniem severo-zapadnogo Kavkaza* [Ethnic Relations of the Sarmatians and Early Alans with the Local Population of the North-Western Caucasus]. Cherkessk.
- Алексеева, Е.П. 1976: *Этнические связи сарматов и ранних аланов с местным населением северо-западного Кавказа*. Черкесск.
- Anfimov, N.V. 1947: Zemlyanye sklepy sarmatskogo vremeni v gruntovykh mogil'nikakh Prikubanya [Earth Vaults of the Sarmatian Period in the Ground Cemeteries of the Kuban Area]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 16, 148–157.
- Анфимов, Н.В. 1947: Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. *КСИИМК* 16, 148–157.
- Anfimov, N.V. 1958: Plemena Prikubanya v sarmatskoe vremya [Tribes of the Kuban Region in the Sarmatian period]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 28, 62–71.
- Анфимов, Н.В. 1958: Племена Прикубанья в сарматское время. *СА XXVIII*, 62–71.
- Anfimov, N.V. 1979: K voprosu o vostochnoy granitse meotskikh plemen i tsentre sirakskogo soyuza v Prikubanye [Concerning the Eastern Frontier of the Meotian Tribes and the Center of the Siraci Union in the Kuban Area]. In: *IX Krupnovskie chteniya: tezisy dokladov* [IX Krupnov Readings: Abstracts and Papers]. Elista, 32.
- Анфимов, Н.В. 1979: К вопросу о восточной границе меотских племён и центре сиракского союза в Прикубанье. В сб.: *IX Крупновские чтения: тезисы докладов*. Элиста, 32.
- Beglova, E.A. 2007: Pogrebeniya zubovsko-vozdvizhenskoy gruppy iz stanitsy Vozdvizhenskaya [Burials of the Zubovsky-Vozdvizhenskaya Group from the Stanitsa Vozdvizhenskaya]. In: *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: pamyati M.P. Abramovoy (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii)* [The North Caucasus and the World of Nomads in the Early Iron Age: in Memory of M.P. Abramova] (Materials and Research on Archaeology of Russia)]. Moscow, 376–400.
- Беглова, Е.А. 2007: Погребения зубовско-воздвиженской группы из станицы

Воздвиженская. В сб.: *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: памяти М.П. Абрамовой* (МИАР 8), М., 376–400.

Berezovskaya, L.Yu. 1989: K probleme vydeleniya i datirovki pamyatnikov zubovsko-vozdvizhenskoy gruppy [On the Problem of Identifying and Dating Monuments of the Zubovsky-Vozdvizhenskaya Group]. In: *Pervaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [First Kuban Archaeological Conference: Abstracts and Papers]. Krasnodar, 82–85.

Березовская, Л.Ю. 1989: К проблеме выделения и датировки памятников зубовско-воздвиженской группы. В сб.: *Первая Кубанская археологическая конференция: тезисы докладов*. Краснодар, 82–85.

Berlizov, N.E. 1993: “Zubovsko-vozdvizhenskaya” gruppy i ee mesto v sisteme kubanskikh drevnostey sarmatskogo vremeni [The Zubovsko-Vozdvizhenskaya Group and Its Place in the System of Kuban Antiquities of the Sarmatian Period]. In: *Vtoraya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [Second Kuban Archaeological Conference: Abstracts and Papers]. Krasnodar, 9–10.

Берлизов, Н.Е. 1993: «Зубовско-воздвиженская» группа и ее место в системе кубанских древностей сарматского времени. В сб.: *Вторая Кубанская археологическая конференция: тезисы докладов*. Краснодар, 9–10.

Bodrova, M.G.: Zhezly i trenozhniki s zoomorfnymi navershiyami u kochevnikov Severnogo Predkavkaz'ya II v. do n.e. – III v. n.e.: variant interpretatsii [Scepters and Tripods with Zoomorphic Finals among the Nomads of the Northern Fore-Caucasus, 2nd c. BC – 3rd c. AD: An Interpretive Variant]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] (Forthcoming).

Бодрова, М.Г.: Жезлы и треножники с зооморфными навершиями у кочевников Северного Предкавказья II в. до н.э. – III в. н.э.: вариант интерпретации. *ВДИ* (в печати).

Desyatchikov, Yu.M. 1973: Sarmaty na Tamanskom poluostrove [The Sarmatians on the Taman peninsula]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 69–80.

Десятчиков, Ю.М. 1973: Сарматы на Таманском полуострове. *СА* 4, 69–80.

Dumberg, K.E. 1901: Raskopka kurganov na Zubovskom khutore v Kubanskoy oblasti [Excavation of Barrows in Zubovsky khutor, Kuban Province]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 1, 94–103.

Думберг, К.Е. 1901: Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. *ИАК* 1, 94–103.

Gushchina, I.I. 1983: K voprosu o datirovke i etnicheskoy prinadlezhnosti nekotorykh vpusknykh zakhoroneniye v kurganakh Prikubanya, issledovannykh N.I. Veselovskim v 1900 godu [On the Question of the Dating and Ethnic Affiliation of Certain Inhumation Burials in the Kuban Kurgans Excavated by N.I. Veselovsky in 1900]. In: *Istoriya i kul'tura sarmatov* [History and Culture of the Sarmatians]. Saratov, 92–98.

Гущина, И.И. 1983: К вопросу о датировке и этнической принадлежности некоторых впускных захоронений в курганах Прикубанья, исследованных Н.И. Веселовским в 1900 году. В сб.: *История и культура сарматов*. Саратов, 92–98.

Gushchina, I.I., Popova, T.B. 1970: Vozdvizhenskiy kurgan, pamyatnik III tysyacheletiya – I v. do n.e. [The Vozdvizhensky Barrow, a Site of the 3rd Millennium – 1st c. BC]. *Ezhegodnik Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya za 1965–1966 gg.* [Yearbook of the State Historical Museum for 1965–1966]. Moscow, 71–90.

- Гущина, И.И., Попова, Т.Б. 1970: Воздвиженский курган, памятник III тыс. – I в. до н.э. *Ежегодник ГИМ за 1965–1966 гг.* М., 71–90.
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1989: Pogrebeniya zubovsko-vozdvizhenskogo tipa iz raskopok N.I. Veselovskogo v Prikubanye (I v. do n.e. – nachalo V v. n.e.) [Burials of the Zubovsky-Vozdvizhenskaya Type from N.I. Veselovsky's Excavations in the Kuban Region (1st c. BC – early 5th c. AD)]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Studies in Southern Eastern Europe] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 70). Moscow, 71–141.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1989: Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало V в. н.э.). В сб.: *Археологические исследования на юге Восточной Европы* (Тр. ГИМ 70). М., 71–141.
- Kameneckiy, I.S. 2011. *Istoriya izucheniya meotov* [The history of the study of meots]. Moscow.
- Каменецкий, И.С. 2011. *История изучения меотов*. Москва.
- Kaminskiy, V.N. 1989: Alany na Severo-Zapadnom Kavkaze [The Alans in the Northwestern Caucasus]. In: *Pervaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: tezisy dokladov* [First Kuban Archaeological Conference: Abstracts and Papers]. Krasnodar, 96–97.
- Каминский, В.Н. 1989: Аланы на Северо-Западном Кавказе. В сб.: *Первая Кубанская археологическая конференция: тезисы докладов*. Краснодар, 96–97.
- Kuznetsov, V.A. 1962: *Alanskie plemena Severnogo Kavkaza* [Alan tribes of the Northern Caucasus] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 106). Moscow.
- Кузнецов, В.А. 1962: *Аланские племена Северного Кавказа* (МИА 106). М.
- Marchenko, I.I. 1996: *Siraki Kubani* [The Siraces of Kuban]. Krasnodar.
- Марченко, И.И. 1996: *Сибеки Кубани*. Краснодар.
- Mordvintseva, V. 2025: *Zwischen Rom und Parthien. Kulturhistorische Prozesse in der „barbarischen“ Welt des nördlichen Schwarzmeergebiets (anhand von Bestattungen „barbarischer“ Eliten vom 3. Jh. v. Chr. bis zur Mitte des 3. Jhs n. Chr.)*. München.
- Raev, B.A., Yatsenko, S.A. 1993: O vremeni pervogo poyavleniya alanov v Yugo-Vostochnoy Evrope [On the Time of the First Appearance of the Alans in South-Eastern Europe]. In: *Skifiya i Bospor* [Scythia and the Bosphorus]. Novocherkassk, 111–125.
- Раев, Б.А., Яценко, С.А. 1993: О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе. В сб.: *Скифия и Боспор*. Новочеркасск, 111–125.
- Rostovtsev, M.I. 1925: *Skifiya i Bospor* [Scythia and the Bosphorus]. Petrograd.
- Ростовцев, М.И. 1925: *Скифия и Боспор*. Петроград.
- Rostovtsev, M.I. 2002: *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii* [Hellenism and Iranism in the South of Russia]. Moscow.
- Ростовцев, М.И. 2002: *Эллинизм и иранство на юге России*. М.
- Sergatskov, I.V. 1999: Problema formirovaniya srednesarmatskoy kul'tury [The Problem of the Formation of the Middle Sarmatian Culture]. In: *Arkheologiya Volgo-Uralskogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i Srednevekov'ya* [Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and Middle Ages]. Volgograd, 137–155.
- Сергачков, И.В. 1999: Проблема формирования среднесарматской культуры. В сб.: *Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья*. Волгоград, 137–155.

- Shchukin, M.B. 1992: Nekotorye zamechaniya k voprosu o khronologii zubovsko-vozdvizhenskoy gruppy i probleme rannikh alan [Some Notes on the Chronology of the Zubovsky-Vozdvizhenskaya group and the problem of the Early Alans]. In: *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir (Materialy III-go arkheologicheskogo seminar)* [Antique Civilization and the Barbarian World (Materials of III Archaeological Seminar)]. Pt. I. Novocherkassk, 103–125.
- Щукин, М.Б. 1992: Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблеме ранних алан. В сб.: *Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара)*. Ч. I. Новочеркасск, 103–125.
- Skripkin, A.S. 1983: K.F. Smirnov – issledovatel' savromato-sarmatskoy kul'tury [K.F. Smirnov as a Scholar of the Sauromatian-Sarmatian Culture]. In: *Istoriya i kul'tura sarmatov* [History and Culture of the Sarmatians]. Saratov, 5–18.
- Скрипкин, А.С. 1983: К. Ф. Смирнов – исследователь савромато-сарматской культуры. В сб.: *История и культура сарматов*. Саратов, 5–18.
- Smirnov, K.F. 1946: *Sarmatskie kurgannye pogrebeniya v stepyakh Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Sarmatian Barrow Burials in the Steppes of the Volga and Southern Urals]. PhD Thesis Abstract. Moscow.
- Смирнов, К.Ф. 1946: *Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. М.
- Smirnov, K.F. 1952: Osnovnye puti razvitiya meoto-sarmatskoy kul'tury Srednego Prikubanya [The Main Paths of Development of the Maeotian-Sarmatian Culture of the Central Kuban]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 46, 3–18.
- Смирнов, К.Ф. 1952: Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. *КСИИМК* 46, 3–18.
- Smirnov, K.F. 2016a: Otchet o rabotakh Kubanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK i GIM 1947 goda [Report on Works of the Kuban Archaeological Expedition of the Institute for History of Material Culture and the State Historical Museum in 1947]. In: *Pashkovskiy mogil'nik № 1: v 2 t. T. 1: Raskopki Pashkovskogo mogil'nika № 1 v 1947–1949* [Pashkovsky Barrow No. 1. 2 vols. Vol. 1: Excavations of Pashkovsky Barrow No. 1 in 1947–1949]. Moscow–St. Petersburg, 12–17.
- Смирнов, К.Ф. 2016а: Отчет о работах Кубанской археологической экспедиции ИИМК и ГИМ 1947 года. В кн.: *ПМ 1*, 12–17.
- Smirnov, K.F. 2016b: Arkheologicheskie issledovaniya v Krasnodarskom krae v 1948 [Archaeological Research in the Krasnodar Region in 1948]. In: *Pashkovskiy mogil'nik № 1: v 2 t. T. 1: Raskopki Pashkovskogo mogil'nika № 1 v 1947–1949* [Pashkovsky Barrow No. 1. 2 vols. Vol. 1: Excavations of Pashkovsky Barrow No. 1 in 1947–1949]. Moscow–St. Petersburg, 18–21.
- Смирнов, К.Ф. 2016б: Археологические исследования в Краснодарском крае в 1948. В кн.: *ПМ 1*, 18–21.
- Smirnov, K.F. 2016c: Arkheologicheskie issledovaniya v Krasnodarskom krae v 1949 [Archaeological Research in the Krasnodar Region in 1949]. In: *Pashkovskiy mogil'nik № 1: v 2 t. T. 1: Raskopki Pashkovskogo mogil'nika № 1 v 1947–1949* [Pashkovsky Barrow No. 1. 2 vols. Vol. 1: Excavations of Pashkovsky Barrow No. 1 in 1947–1949]. Moscow–St. Petersburg, 22–27.
- Смирнов, К.Ф. 2016с: Археологические исследования в Краснодарском крае в 1948. В кн.: *ПМ 1*, 22–27.
- Spitsyn, A.A. 1909: Istoriko-arkheologicheskie razyskaniya [Historical-Archaeological

- Investigations]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education] XIX. St-Petersburg, 67–98.
- Спицын, А.А. 1909: Историко-археологические разыскания. *Журнал Министерства народного просвещения* XIX. СПб., 67–98.
- Tuallagov, A.A. 2014: *Rannie alany* [The Early Alans]. Vladikavkaz.
- Туаллагов, А.А. 2014: *Ранние аланы*. Владикавказ.
- Veselovskiy, N.I. 1898: Proizvodstvo arkheologicheskikh raskopok i razvedok v Kubanskoj oblasti [Conducting Archaeological Excavations and Surveys in the Kuban Region]. *Otchet Arkheologicheskoy Komissii za 1896 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1896]. St. Petersburg, 1–65.
- Веселовский, Н.И. 1898: Производство археологических раскопок и разведок в Кубанской области. *ОАК за 1896 год*. СПб., 1–65.
- Veselovskiy, N.I. 1902a: Raskopki N.I. Veselovskogo [Excavations by N.I. Veselovskiy]. *Otchet Arkheologicheskoy Komissii za 1899 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1899]. St. Petersburg, 41–52.
- Веселовский, Н.И. 1902a: Раскопки Н.И. Веселовского. *ОАК за 1899 год*. СПб., 41–52.
- Veselovskiy, N.I. 1902b: Raskopki N.I. Veselovskogo [Excavations by N.I. Veselovskiy]. *Otchet Arkheologicheskoy Komissii za 1900 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1900]. St. Petersburg, 33–46.
- Веселовский, Н.И. 1902b: Раскопки Н.И. Веселовского. *ОАК за 1900 год*. СПб., 33–46.
- Veselovskiy, N.I. 1905: Kurgany Kubanskoj oblasti v period rimskogo vladychestva na Severnom Kavkaze [Barrows of the Kuban Region during the Roman Rule in the North Caucasus]. In: *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the XII Archaeological Congress]. Vol. I. Moscow, 342–373.
- Веселовский, Н.И. 1905: Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. В кн.: *Труды XII Археологического съезда*. Т. I. М., 342–373.
- Vinogradov, V.B. 1965: Sirakskiy soyuz plemen na Severnom Kavkaze [The Siraces Tribal Union in the Northern Caucasus]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 108–121.
- Виноградов, В.Б. 1965: Сиракский союз племён на Северном Кавказе. *СА* 1, 108–121.
- Vinogradov, V.B. 1968: Ob interpretatsii sarmatskikh pogrebal'nykh pamyatnikov Predkavkaz'ya III v. do n. e. – I v. n. e. [On the Interpretation of Sarmatian Burial Sites of the Ciscaucasia of the 3rd c. BC – 1st c. AD]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 48–55.
- Виноградов, В.Б. 1968: Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н.э. – I в. н.э. *СА* 1, 48–55.
- Voroniato, S. 2025: Inner Asian Openwork Buckles in Bactria and Sarmatia. In: *Ancient Cultures of Mongolia, Baikal, Southern Siberia and Northern China*. Ulaanbaatar–Karakorum, 45–50.
- Voroniato, S.V. 2023: Khan'skie motivy ornamenta v oformlenii zubovskogo kinzhala [Han Ornament Motifs in the Decoration of the Zubovsky Dagger]. In: *"Poyushchie strely Maodunya": khunnu ot neizvestnosti do imperii* [“Singing Arrows of Maodun”: The Xiongnu from Obscurity to Empire]. St. Petersburg, 195–199.
- Воронятов, С.В. 2023: Ханьские мотивы орнамента в оформлении зубовского кинжала. В сб.: *«Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи*. СПб., 195–199.
- Voroniato, S.V. 2024: N.I. Veselovskiy i Zubovskie kurgany [N.I. Veselovsky and the

Zubovsky Barrows]. In: *Epokhi, kurgany, nakhodki: K 175-letiyu so dnya rozhdeniya N.I. Veselovskogo. Katalog vystavki* [Epochs, Burial Mounds, Findings: Honoring the 175th Anniversary of N.I. Veselovsky. Exhibition Catalogue]. St. Petersburg, 186–191.

Воронятов, С.В. 2024: Н. И. Веселовский и Зубовские курганы. В кн.: *Эпохи, курганы, находки: К 175-летию со дня рождения Н.И. Веселовского. Каталог выставки*. СПб., 186–191.

Zhdanovskiy, A.M. 1985: *Istoriya plemen Srednego Prikubanya v II v. do n.e. – III v. n.e. (po materialam kurgannykh pogrebeniy)* [History of the Tribes of the Middle Kuban in the 2nd c. BC – 3rd c. AD (Based on Barrow Burials)]. PhD Thesis. Moscow.

Ждановский, А.М. 1985: *История племен Среднего Прикубанья в II в. до н.э. – III в. н.э. (по материалам курганных погребений): дис. ... канд. ист. наук*. М.

Zhdanovskiy, A.M., Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 1988: Pogrebal'nyy obryad sarmatov Zakubanya [The funeral rite of the Sarmatians of the Trans-Kuban region]. In: *Pogrebal'nyy obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza* [The Funeral Rite of the Ancient and Medieval Population of the North Caucasus]. Ordzhonikidze, 103–126.

Ждановский, А.М., Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 1988: Погребальный обряд сарматов Закубанья. В сб.: *Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа*. Орджоникидзе, 103–126.

HISTORY OF RESEARCH OF THE ZUBOVSKY-VOZDVIZHENSKAYA GROUP OF KUBAN BURIALS OF THE SARMATIAN PERIOD

Maria G. Bodrova

*Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

E-mail: maborydrova@gmail.com

The article examines the formation and development of scholarly concepts regarding the sites grouped under the term Zubovsky-Vozdvizhenskaya Group. Based on an overview of research from the late 19th century to the present, it traces the evolution of approaches to the interpretation of archaeological material, reflecting shifts in methodological frameworks and research priorities. Particular attention is given to the identification of the group as an independent cultural and historical phenomenon, its chronology, the issue of correlating archaeological data with ethnic communities known from written sources, as well as its origins. The conclusion outlines the main directions for further research and highlights the ongoing debates surrounding the study of the Zubovsky-Vozdvizhenskaya Group in the Kuban region during the Sarmatian period.

Keywords: Zubovsko-Vozdvizhenskaya Group, Kuban region, historiography, Sarmatian period.